

«ТО THYRZA» ДЖ.-Г. БАЙРОНА В ПЕРЕВОДЧЕСКОМ ОСМЫСЛЕНИИ Д. Л. МИХАЛОВСКОГО¹

Аннотация. В статье осуществлен сопоставительный анализ стихотворений Дж.-Г. Байрона, относящихся к его элегическому циклу «К Тирзе», и их русских переводов, осуществленных в 1890-е гг. Д. Л. Михаловским. Отмечается мастерство переводчика, сохранившего особенности оригинального авторского замысла великого английского поэта, приводятся конкретные факты привнесения в переводной текст отдельных художественных деталей, характеризуется специфика восприятия русским интерпретатором образов лирического героя и его умершей возлюбленной.

Ключевые слова: Байрон, художественный перевод, компаративистика, русско-английские литературные связи, поэзия, межкультурная коммуникация.

Abstract. The article describes a comparative analysis of G.-G. Byron poems, which belong to his elegiac cycle “To Thyrsa”, and their Russian interpretations by D. L. Mikhailovsky in 1890s. The interpreter preserves the original message of the great English poet. In the interpretations of Byron’s poems we can find certain interpreter-added literary details and characteristics of the Russian interpreter’s perception of the lyric hero and his dead love images.

Key words: Byron, artistic interpretation, comparativistics, Russian-English literary connections, poetry, intercultural communication.

Среди произведений Дж.-Г. Байрона, созданных на рубеже 1800–1810-х гг., особое место занимают пять стихотворений, обращенных к Тирзе, неизвестной девушке, образ которой у современников и позднейших исследователей творчества великого английского поэта ассоциировался как с конкретными людьми из его окружения, так и с некоей иллюзорной личностью, представшей перед сознанием романтика в то сложное время, «когда у него было разбито сердце, и он чувствовал, что его надежды рушатся, поскольку страдал от любви к настоящему объекту воздыхания» [1, с. 859]. С.-Т. Кольридж, обративший внимание на дискуссию вокруг образа Тирзы, еще в 1829 г. признавал, что «окончательное и авторитетное решение» вопроса об адресате байроновского произведения «в настоящее время едва ли возможно»; вместе с тем, по его мнению, «нет сомнения, что Байрон упоминал о Тирзе в разговорах с женой и сестрой как о девушке, которая действительно существовала и умерла приблизительно в то время, когда он вернулся в Англию в 1811 г.» [2, с. 556]. Однако Тирза могла вполне быть условным образом, заимствованным из Библии, где она является женой Авеля (сюжет о Каине и Авеле был воссоздан Байроном в поэме «Каин»), либо из известной Байрону эпитафии

¹ Статья подготовлена по проекту 2010-1.2.2-303-016/7 «Проведение поисковых научно-исследовательских работ по направлению «Филологические науки и искусствознание», выполняемому в рамках мероприятия 1.2.2 «Проведение научных исследований группами под руководством кандидатов наук» направления 1 «Стимулирование закрепления молодежи в сфере науки, образования и высоких технологий» ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы (госконтракт 14.740.11.0572 от 05.10.2010).

Мелеагра, помещенной в сборнике «Переводы, преимущественно из греческой антологии», вышедшем в 1806 г.

Из пяти стихотворений, посвященных Байроном Тирзе, Д. Л. Михаловский перевел три – «To Thyrsa», «Away, away, ye notes of woe!», «If sometimes in the haunts of men...», причем первые два перевода («На месте, где в земле ты скрыта...», «О, пусть умолкнут скорби звуки...») были опубликованы сначала отдельно, на страницах «Приложения к журналу «Нива» в 1892–1893 гг., а затем вместе с третьим переводом «О, если иногда...» были представлены единым циклом в сборнике оригинальных сочинений и переводов Михаловского, увидевшем свет в типографии А. С. Суворина в 1896 г. Из трех байроновских произведений только «If sometimes in the haunts of men...» было известно в то время в России; к его переводу обращались в 1832 г. В. И. Любич-Романович [3, с. 50], в 1854 г. – Н. П. Греков [4, с. 214], в 1860 г. – В. П. Попов [5, с. 112].

В стихотворении «To Thyrsa» пораженный смертью Тирзы лирический герой не может поверить, что ее нет, он не может найти утешения даже на ее могиле, поскольку не знает, где она похоронена, причем на свой вопрос он так и не получает ответа: «Without a stone to mark the spot, / And say, what Truth might well have said, / By all, save one perchance, forgot, / Ah! wherefore art thou lowly laid?» [1, с. 585] [Без камня, чтобы отметить место / И сказать, что Правда уже сказала, / Всеми, кроме одного, забыта, / О! почему же ты лежишь так глубоко?]. В переводе Михаловского опущено всего два стиха, однако этого оказалось вполне достаточно, чтобы практически полностью нивелировать байроновский трагизм, утратить внутреннее ощущение скорби, пронизывающей героя: «Нет места, где в земле ты скрыта, / Нет камня, чтоб найти его... / Ты всеми, может быть, забыта, / За исключением одного» [6, с. 102].

Воспоминания о возлюбленной постоянно терзают Байрона, он никак не может поверить в то, что ее нет рядом, возвращаясь вновь и вновь к незабываемым моментам общения: «Ours too the glance none saw beside; / The smile none else might understand; / The whisper'd thought of hearts allied, / The pressure of the thrilling hand; / The kiss, so guiltless and refined, / That Love each warmer wish forebore; / Those eyes proclaim'd so pure a mind, / Even Passion blush'd to plead for more. / The tone that taught me to rejoice, / When prone, unlike thee, to repine; / The song celestial from thy voice, / But sweet to me from none but thine» [1, с. 858] [Также наши взгляды никто вокруг не замечал; / Улыбку кто-то еще не смог бы понять; / Произнесенная шепотом мысль сердце объединила, / Давление дрожащей руки; / Поцелуй, такой чистый и невинный, / Что любовь сдерживала каждое страстное желание; / Эти глаза обнаруживали такую невинную душу, / Даже страсть краснела, чтобы попросить еще. / Голос, который научил меня радоваться, / Когда готов жаловаться, что непохоже на тебя; / Небесная песня твоего голоса, / Но сладка для меня только от тебя]. При интерпретации байроновского стихотворения Михаловский опускает олицетворения («Love» («любовь»), «Passion» («страсть»)), дополняет текст несколькими стихами, призванными создать атмосферу отдаленности влюбленных от окружающего мира: «Вблизи, вдали, иль сидя рядом, / От всех мы были далеки, / Менялись шепотом иль взглядом, / Пожатием трепетной руки, / Иль поцелуем, пред которым / Желаний сдерживалась власть: / Своим невинным, чистым взором / Краснеть заставила бы страсть. /

Мне в сердце радость проливалась, / Когда я слышал голос твой; / Небесной музыкой казалась / Мне песня, спетая тобой» [6, с. 103].

Сквозь воспоминания лирического героя неизменно проступают упреки, обращенные к любимой, ушедшей навсегда, оставив его жить с невыносимой мукой в сердце: «The pledge we wore – I wear it still, / But where is thine? – Ah! where art thou? / Oft have I borne the weight of ill, / But never bent beneath till now!» [1, с. 858] [Залог, который дали мы, – его еще храню, / Но где же твой? – О! где же ты? / Я часто нес бремя болезни, / Но никогда не сгибался так низко, как сейчас!]. Если Байрон говорит о физических страданиях, постоянных тяжелых болезнях («the weight of ill»), изматывавших его героя, то Михаловский ограничивается общими рассуждениями об «иге бед»: «Залог твой у меня остался... / Его храню – где ж мой? где ты? / Под игом бед я не склонялся / До этой страшной тяготы» [6, с. 104].

В своем письме к Й.-Э. Годжсону от 8 декабря 1811 г. Байрон сообщал относительно точную дату создания другого стихотворения, обращенного к Тирзе, – «Away, away, ye notes of woe!...»: «Написано вчера или третьего дня, когда я услышал песню давних дней» [2, с. 556]. В этом произведении передано мироощущение героя, гнетомое невыносимой болью, невыразимым горем; его речь прерывиста, насыщена междометиями и союзами, призванными показать, что герою не хватает дыхания и что в любой момент он может разрыдаться. Глубоко потрясенный смертью Тирзы, терзаемый воспоминаниями о ней, ее голосе, преследуемый звуками ее песни, лирический герой пытался преодолеть горе, убедить себя в необходимости дальнейшей жизни без возлюбленной: «Away, away, ye notes of woe! / Be silent, thou once soothing strain, / Or I must flee from hence – for, oh! / I dare not trust those sounds again. / To me they speak of brighter days – / But lull the chords, for now, alas! / I must not think, I may not gaze, / On what I am – on what I was» [1, с. 859] [Прочь, прочь, вы звуки скорби! / Замолчи, ты раз облегчившая боль, / Или я должен умчаться отсюда прочь – чтобы, о! / Я не осмеливаюсь довериться этим звукам снова. / Мне они говорят о более радостных днях – / Но убаюкивают чувства, только сейчас, боже! / Я не должен думать, я не должен вглядываться, / В то, кто я сейчас, – в то, кем я был]. Как видим, находясь на грани безумия, не желая больше выносить тяжких страданий, байроновский герой стремился уверовать в необходимость перестать думать об ушедшей навсегда Тирзе; его слова, полные отчаяния, становились криком души человека, пытавшегося найти в себе силы жить и избавиться от мучительных воспоминаний. В переводе Михаловского герой скорее испытывает глубокую печаль, нежели душевные муки, – там, где у Байрона герой «мчится прочь» («flee from hence»), у переводчика «уходит от муки»: «О, пусть умолкнут скорби звуки, – / Отрада дней моих былых, – Иль я уйду от этой муки: / Не в силах вынести я их! / Они напевом струн звенящим, / О светлых днях мне говорят; / Но о прошедшем, настоящем / Мне тяжело думать... пусть молчат» [6, с. 105].

Острая душевная боль постепенно уступает место унынию, горестным воспоминаниям. Будучи не в силах расстаться с любимой, байроновский герой постоянно обращается к ней, говорит ей о своей боли: «Yes, Thyrsa! yes, they breathe of thee, / Beloved dust! since dust thou art; / And all that once was harmony / Is worse than discord to my heart» [1, с. 859] [Да, Тирза! да, они дышат тобой, / Любимый прах! С тех пор, как ты стала им; / И все, что однажды было гармонией / Хуже, чем противоречие в моей груди]. Тональность ори-

гинала в целом передана в переводе, в котором, однако, главным воспоминанием становится человеческий голос, а не отдельные звуки окружающего мира. В связи с этим возникает определенная размытость описания – вместо «разлада в груди» («discord to my heart») упоминается «разлад в струнах», причем возникает недопонимание того, откуда появились «струны»: «О, Тирза, он поет уныло / Мне о тебе, мой милый прах, / Все, что гармонией в нем было, / Мне горше, чем разлад в струнах!» [6, с. 105].

Резкая, невыносимая боль покидает героя, оставляя в душе глубокую грусть, которая отныне станет его постоянным спутником: «Sweet Thyrsa! waking as in sleep, / Thou art but now a lovely dream; / A star that trembled o'er the deep, / Then turn'd from earth its tender beam. / But he who through life's dreary way / Must pass, when heaven is veil'd in wrath, / Will long lament the vanished ray / That scattered gladness o'er his pass» [1, с. 859] [Милая Тирза! Проснувшись, словно во сне, / Но сейчас ты лишь прекрасный сон; / Звезда, трепетавшая в глубине, / Затем отвернувшая от земли свой нежный луч. / Но тот, кто должен пройти унылый путь жизни, / Когда небеса покрыты яростью, / Будет долго оплакивать исчезнувший луч, / Который рассеивал счастье на его пути]. Здесь Байрон сравнивал свою возлюбленную со звездой, которая озаряла его земное бытие, утверждая, что без нее его жизнь станет «унылым путем», на котором он будет долго оплакивать свою «звезду». У Михаловского «унылый путь» («dreary way») становится «дорогой тяжелой»; если в оригинале герой оплакивает «исчезнувший луч» («vanished ray»), то в русском переводе – лишь вспоминает о нем «с горечью»: «Да Тирза, ты – лишь сновиденье, / Лишь греза, – сплю я или нет, – / Звезда, сиявшая мгновение / И погасившая свой свет. / Но кто дорогою тяжелой / Бредет, под небом полных туч, / Тот вспомнит с горечью – веселый, / Над ней сверкавший прежде луч» [6, с. 106].

Стихотворение «If sometimes in the haunts of men...», завершающее элегический цикл, обращенный к Тирзе, лишено подобных мучительных терзаний героя. Главным мотивом в нем становится легкая грусть, которая позволяет избежать трагических воспоминаний, ограничившись оживлением образа любимой в редкие часы тихого уединения: «If sometimes in the haunts of men / Thine image from my breast may fade, / The lonely hour presents again / The semblance of thy gentle shade: / And now that sad and silent hour / Thus much of thee can still restore, / And sorrow unobserved may pour / The plaint she dare not speak before» [1, с. 861] [Если иногда среди множества людей / Твой образ исчезнет из моей груди, / Час одиночества снова покажет / Образ твоей легкой тени: / И сейчас в этот грустный и тихий час / Почти вся ты можешь вновь вернуться, / И невидимая скорбь может пролиться / Плачем, о котором она не смела сказать раньше]. В переводе Михаловского одиночество героя еще более усилено при помощи детализации описаний (ср. «sad and silent hour» («грустный и тихий час») – «молчаливый, печальный, тихий час»; «lonely hour» («одинокий час») – «одинокий час глубокого молчанья»): «О, если иногда среди шумного собранья, / Из мыслей у меня исчезнет образ твой, – / То в одинокий час глубокого молчанья / Тень милая твоя – опять передо мной. / Вот и теперь ее, в час этот молчаливый, – / Печальный, тихий час, – так ясно вижу я: / Здесь нет свидетелей, – и в жалобе тоскливой / Излиться может скорбь незримая моя» [6, с. 107].

Время уносит с собой все воспоминания, и герой Байрона, отчетливо сознавая это, пытался оправдаться перед любимой, убедить самого себя, что она не забыта, что она продолжает жить в его душе и по-прежнему ему дорога: «Oh, pardon that in crowds a while / I waste one thought I owe to thee, / And self-condemned, appear to smile, / Unfaithful to thy memory! / Nor deem that memory less dear, / That then I seem not to repine; / I would not fools should overhear / One sigh that should be wholly *thine*» [1, с. 861] [О, извини, что в толпе на миг / Я потратил впустую одну мысль, которую я предназначал тебе, / И, осуждая себя, улыбнулся, / Предав твою память! / Не думая, что память стала мне менее дорога, / Что потом я не ругаю себя; / Я не хотел бы, чтобы глупцы подслушали / Один вздох, который должен быть только твоим]. Михаловский, дополнив описание отдельными стихами, существенно скорректировавшими байроновский замысел, передал настроение тихой, тайной грусти, сокровенной тайны, о которой никто не должен знать: «Прости, когда та мысль, что мне бы надлежало, / Отдать одной тебе, я тратил на людей; / Когда мое лицо улыбка озаряла, / Как будто изменил я памяти твоей! / Она мне дорога: но горе сердца – тайна, / И напоказ толпе не появлюсь я с ним: / Я не хочу, чтоб там подслушали случайно / Глупцы хоть вздох один, что должен быть твоим» [6, с. 107].

И в английском оригинале, и в русском переводе отчетливо передана мысль о том, что успокоение необходимо искать не в смерти, а в бережном сохранении памяти о возлюбленной, которое и способно стать смыслом человеческой жизни: «It is my sorrow's pride / That last dear duty to fulfil; / Through all the world's forget beside, / It is meet that I remember still» [1, с. 861] [Это гордость моей печали / Выполнить последний, дорогой долг; / Даже если все забудут, / Эту встречу я буду помнить] – «Мне дорог этот долг – и он исполнен будет, – / Гордится им печаль глубокая моя, – / И если целый мир тебя совсем забудет, / То память о тебе лелеять буду я!» [6, с. 108]. Вместе с тем перевод Михаловского более пафосен: в нем появляется отсутствующее в оригинале упоминание о «долге», «гордость моей печали» («sorrow's pride») заменена оборотом «гордится им печаль глубокая моя», лексема «помнить» («remember») – синтагмой «лелеять память».

Героя Байрона неожиданно посещает мысль, что любовь его Тирзы была лишь прекрасной мечтой, недостижимой для него, слишком неземной: «And oh! I feel in that was given / A blessing never meant for me; / Thou wert too like a dream of heaven, / For earthly Love to merit me» [1, с. 861] [И о! я чувствую то, что было дано, / Счастье никогда не предназначалось для меня; / Ты была слишком похожа на мечту небес / Для земной Любви, которую я заслужил]. В русском переводе звучит та же грустная разгадка, причем если лирический герой оригинального произведения искренне уверен в том, что заслужил «земной любви» («earthly Love»), то у Михаловского появляется отвлеченная «любовь земли», некий иллюзорный, абстрактный образ: «Увы! Я чувствую, что это счастье было / Не мне назначено, – ты не за тем жила, / И на мечту небес ты слишком походила, / Чтоб заслужить тебя любовь земли могла» [6, с. 108].

Как видим, предлагая русскому читателю первые интерпретации байроновского элегического цикла, обращенного к Тирзе, Михаловский смог мастерски передать эмоциональное напряжение оригинала, раскрыть трагизм потери любимой лирическим героем, сохранившим светлую, грустную память о навсегда утраченном счастье.

Список литературы

1. **Вугон.** The Complete Works / Вугон. – Paris : A. and W. Galignani and C^o, 1841. – 935 p.
2. Полное собрание сочинений Байрона : в 3 т. / под ред. С. А. Венгерова. – СПб. : Изд-во Брокгауза – Ефрона, 1904. – Т. 1. – 601 с.
3. Стихотворения Василия Романовича. – СПб. : Тип. вдовы Плюшар, 1832. – 82 с.
4. **Греков, Н.** Элегия, из Байрона / Н. Греков // Отечественные записки. – 1854. – Т. 97, № 12. – Отд. I.
5. **Попов, В. П.** Из Байрона. Стансы / В. П. Попов // Русское слово. – 1860. – Кн. 6. – С. 112.
6. Иностранцы поэты в переводах и оригинальные стихотворения Д. Л. Михаловского : в 2 т. – СПб.: Изд-во А. С. Суворина, 1896. – Т. 1. – 307 с.

Жаткин Дмитрий Николаевич

доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой перевода и переводоведения, Пензенская государственная технологическая академия, академик Международной академии наук педагогического образования, член Союза писателей России, член Союза журналистов России

E-mail: ivb40@yandex.ru

Zhatkin Dmitry Nikolaevich

Doctor of philological sciences, professor, head of sub-department of interpretation and translation science, Penza State Technological Academy, fellow of the International Academy of sciences of the pedagogical education, Russian Writers' Union member, Russian Journalists' Union member

Крехтунова Елена Викторовна

преподаватель, кафедра романо-германской филологии, Пензенский государственный университет

E-mail: mizuori@mail.ru

Krekhtunova Elena Viktorovna

Lecturer, sub-department of Romanic and Germanic Philology, Penza State University

УДК 820

Жаткин, Д. Н.

«To thyrza» Дж.-Г. Байрона в переводческом осмыслении Д. Л. Михаловского / Д. Н. Жаткин, Е. В. Крехтунова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2011. – № 4 (20). – С. 100–105.